ское происхождение Петра, его тесную связь с Волынской землей, Киприан как бы хочет показать, что общепризнанный патрон Москвы пришел на русскую митрополию, в Москву, из западной Руси, откуда, как мы знаем, пришел в Москву и Киприан после смерти Алексея.

Добавления, вставленные Киприаном в рассказ о видении матери Петра, подчеркивают значимость и необычайность этого события и как бы растолковывают символическое значение предзнаменования. Когда Киприан расскажет о поставлении Петра в митрополиты, то он напомнит об этом видении матери святого. Таким образом, в данном эпизоде Киприан не просто украшает и усложняет рассказ, а делает это для того, чтобы подчеркнуть его значимость и связать со смыслом всего повествования.

Также не простым риторическим распространением является подробная характеристика образцовой монашеской жизни Петра в монастыре. Для Киприана это не общее место, это не простая дань житийному штампу. В своем Послании к игумену Афанасию он много внимания уделяет правилам монастырской жизни, требуя соблюдения монахами всех положений монастырского общежительства. И повествуя о жизни митрополита Петра, он как бы на живом примере показывает соблюдение тех требований, которые он предъявлял к монахам в своих поучениях. Заслуживает внимания такая фраза из рассказа о монастырской жизни Петра: «По времени же и дьаконское служение приемлеть разсужением наставничим. Потом же и прозвитерскому сану сподобися». Сообщая о создании Петром своего монастыря, Киприан скажет о том, что «достояше таковому человеку не прежде проити вся степени, и потом на учительском седалищи посадитися». Эти положения Киприана невольно напоминают то место в летописной повести о Митяе, где говорится: «И сице до обеда бысть поп мирской, таже инок, а по обеде архимандрит; иже до обеда прииде поп мирской и пострижеся по иноческий чин, а по обеде начялник и пастырь и учитель».[92] Не подлежит никакому сомнению, что, рассказывая, как Петр проходил все степени монастырских чинов, прежде чем достиг своего высокого сана, Киприан имел при этом в виду историю с Митяем, и для человека того времени, хорошо осведомленного в перипетиях борьбы вокруг кафедры русского митрополита, эти слова звучали явным упреком Митяю и тем, кто хотел видеть его митрополитом.

Уместным представляется нам рассуждение Киприана об иконописных трудах святого. Для Киприана, как для верховного иерарха русской церкви, вопросы, связанные с церковно-религиозным обиходом, имели важное практическое значение, и рассуждение об иконном писании для него не риторический пассаж, а действительно жизненное размышление. Замечательно в этом отношении тонкое и яркое сравнение, сделанное Киприаном при характеристике иконописных трудов Петра: «Обычай бо есть во многых сей, яко егда любимаго лице помянеть, абие от любве ко слезам обращается: сице и сей божественныи святитель творяше, от сих шаровных образов к первообразным ум свой возвожаше».

Из рассмотренного материала мы видим, что дополнения Киприана не выходят за пределы фактических данных биографии описываемого им святого. Они как бы детализируют, раскрывают и отчасти украшают эти факты. Дополнения эти в какой-то мере являются восхвалением, воздаваемым Киприаном праведной жизни святого, но вместе с тем они несут в себе и значительную долю конкретных сведений и фактов, которые если и не имели места на самом деле, однако вполне могли бы быть. Интересно

[92] ПСРЛ, т. XI, стр. 37.